

ВИТОЛЬД НЕДОЗОР

Легендарная гладиатриса Гипсикратия, бывшая скифянка, покорила арену и стала любимицей толпы. Но она все еще помнит Великую Степь и жаждет вернуться к дочери, оставшейся во владениях царя Митридата. Гладиатор Атей, возлюбленный Гипсикратии, больше не может сражаться на арене из-за ранения, но всячески помогает любимой заработать деньги на выкуп из рабства. Однако путь в Понтийское царство не откроется, пока она не сразится с непобедимой Камиллой — самой знаменитой из гладиатрис. Гипсикратия понимает, что ей не выиграть этот бой. Но цена победы — свобода и шанс после стольких лет разлуки вернуться к дочери.

ВИТОЛЬД НЕДОЗОР ДОЧЬ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ X ТАНЕЦ КЛИНКОВ

ДОЧЬ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ ТАНЕЦ КЛИНКОВ

bookclub.ua

ISBN 978-617-12-8868-3



9 786171 288683



КСД

ДОЧЬ
ВЕЛИКОЙ СТЕПИ
ТАНЕЦ КЛИНКОВ



ВИТОЛЬД НЕДОЗОР

ДОЧЬ
ВЕЛИКОЙ СТЕПИ
ТАНЕЦ КЛИНКОВ

Роман

ХАРЬКОВ
2021 КСД

УДК 821.161.1(477)
Н42



Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Евгений Вдовиченко*

ISBN 978-617-12-8868-3

- © В. Станкович, Г. Панченко, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Здесь ярость дикая правит...
Здесь смерть каждый день пророчат.
И верность — сестра отваги
Подмогою в битве стать хочет...
Потехи нет лучше ратной,
На людях и смерть милее...
Дороги нам нет обратной,
Боец — никогда не стареет...
Тревожно каркает ворон,
Куражится смертью сеча...
Положено улыбаться
Тому, кто уходит в вечность...

*Воинская песня, которая будет звучать
над полем боя примерно через тысячу лет
после описываемых событий*

Пролог

Выехали затемно. Одной Гипсикратии это не удалось бы, но Теокл — видный гражданин полиса, да и время сейчас мирное... В общем, для него и тех, кто с ним, без слов распахнули половину огромной створки ворот в городской стене.

Наверно, и соответствующая мзда помогла: стражники, похоже, уже ждали их появления. Что ж, пусть так.

Мощеная дорога вскоре закончилась, и теперь копыта без стука ударяли о грунт торной тропы.

У Теокла было два «блистательных коня» — то есть таких, с которыми мужчине его положения, случись война, надлежит выезжать на защиту полиса. То, что он, наварх-кораблевладелец, в этом случае, скорее всего, будет сражаться на море, а не на земле, значения не имело: видный гражданин Синопы должен быть готов пополнить ряды городской кавалерии.

Один из таких коней сейчас был под Теоклом, а другого он без колебаний предложил Гипсикратии. Это мало кто из сограждан понял бы, а тем более одобрил, но Теокл никогда не забывал, что его жена — скифянка!

Впрочем, она отказалась, выбрала конька попроще и, главное, поспокойней. Блистательному коню будет скучно всю дорогу рысить рядом с третьей лошадей, добронравной малорослой кобылой, он, чего доброго, начнет ускорять аллюр, показывать норов — и, хотя Гипсикратия сумеет с ним справиться, сейчас это совсем ни к чему.

Третья лошадь была самой спокойной из всех, что стояли в конюшне Теокла. За это достоинство ее сейчас и выбрали. Ну и потому, что шаг ее еще мягче нрава.

Только такой и можно доверить столь драгоценный груз...

Вот странно: первую часть своей жизни Гипсикратия, тогда еще Зиндра-«Искорка», и не подумала бы удивиться или обеспокоиться, увидев детскую люльку на лошадиной спине. Кажется, ее собственные первые воспоминания были связаны с такой люлькой: мерно колышется небесная синева над головой, слышен запах конского пота, конский храп... спокойный голос мамы, тоже едущей верхом, ведущей в поводу лошадь с ее, Зиндры, колыбелью...

Лет до трех степняки на переходах возят детей вот так. А потом ребенок чуть ли не сразу приучается сам взбираться на коня, самостоятельно рысать по бескрайней степи с маленьким луком и запасом стрел-тростинок в горите — и это тоже никого не беспокоит.

Гипсикратия невольно вздрогнула. Склонившись в седле, уже который раз проверила, надежно ли закреплена люлька на седельных ремнях — и надежно ли помещено там ее главное сокровище, туго спеленутое, мирно сопящее во сне. Кобыла (ее звали Ксанфа, «Рыжая») фыркнула успокаивающе, даже, кажется, насмешливо: «Да что ты, дурочка, не тревожься: я сама мать, знаю, кого везу...»

— В ней наша кровь, твоя и моя, — произнес Теокл, не оборачиваясь. — Когда придет срок, Олимпия вырастет отважной всадницей. Потому я сегодня и...

Он не договорил.

— Может быть, все же расскажешь, что ты задумал показать нам, муж мой? — спросила Гипсикратия. — Нечто столь важное и значительное, что оно будет понятно даже годовалой девочке...

Из уст обычной синопской жены этот вопрос, наверно, прозвучал бы слишком дерзко — но, с другой стороны, элинка из хорошей семьи не оказалась бы посреди ночи за городом. Верхом, рядом с супругом — и с лошастью в поводу, на спине которой посапывает в скифской люльке малышка-дочь.

— Нет, любимая.

Гипсикратия видела лишь спину Теокла, но была уверена, что он улыбается.

— На такое надо посмотреть своими глазами. И ты права: я хочу, чтобы наша дочь тоже это увидела, прибыв туда как скифская всадница. А тебе... тебе оно, пожалуй, уже знакомо. Или она.

Тропа перестала быть торной, истошилась, как ручей в засуху, рассыпалась на несколько мелких тропинок — но в этот миг горизонт на востоке нежно окрасился багрянцем. Дальше они уже ехали не в полной темноте. И не в тишине: окрестности, ранее молчаливые, с первыми же лучами солнца огласились птичьим щебетом.

— *Она?* — повторила скифянка, следуя за мужем, уверенно направившим коня по одной из тропок. — Надеюсь, ты не завел себе наложницу, а то, что ты хочешь нам показать, не загородный дом, возведенный на купленном тобой участке земли? Дом, в котором ты проводишь время с *ней*, когда для меня ты — в очередном плавании!

Гипсикратия была уверена, что произносит эти слова спокойным и даже веселым тоном, как забавную шутку. Но, кажется, это у нее не совсем получилось. Вряд ли найдется женщина, способная со спокойной душой шутить на подобные темы — особенно рядом с колыбелью дочери, первороденной и единственной.

«Неужели *эта* сумела дать ему сына? И... и что же тогда делать всем нам?!»

Гипсикратия подобрала повод Ксанфы. Теперь лошади ехали бок о бок — и женщина в любой миг могла дотянуться до дочери, выхватить ее из люльки. Сама не могла бы сказать, зачем ей это нужно, чего боится, что хочет предотвратить...

— Кое-что ты угадала, моя прекрасная жена. — Теокл залиvisto рассмеялся — и у Гипсикратии словно гора упала с плеч. — «Она», которую вы с Олимпией вскоре увидите,

действительно ожидает нас на земельном участке — я недавно приобрел его для нашей семьи. Но никакого дома там нет и в помине. А сыновей... — Он без труда прочел ее не высказанную вслух мысль. — Сыновей мне подарить только ты!

Теокл легко соскочил на землю и, придерживая своего коня за холку, направил его, казалось, прямо в сплошную стену кустарника. Гипсикратия, по-прежнему коротко держа поводья, последовала за мужем, заранее склонившись вплотную к конской шее, — но это оказалось излишним: Теокл поднял и придержал низко свисавшую ветвь, пока жена ее не перехватила.

На мгновение их пальцы встретились. Ветка колыхнулась, обдав Гипсикратию тяжелыми каплями росы.

Проводя Ксанфу под кустистым сводом, словно сквозь брешь в крепостной стене, женщина потянулась было, чтобы прикрыть малышку от капель, но потом раздумала: утренний весенний росопад — не то, чего следует опасаться. И вправду, девочка лишь недовольно шевельнулась во сне, но даже не захныкала.

Теокл вел их сквозь заросли не по-скифски, а по-эллинически: подолгу бежал рядом с конем, идущим рысью, лишь иногда упруго вспрыгивал ему на спину. Именно так и воюют эллинские всадники, готовые ежеминутно превратиться в грозных пеших бойцов: спокойно выдерживают быстрый бег, даже когда облачены в доспехи... а если течение битвы вновь потребует верхового натиска — тут же снова окажутся в седле. Их «блистательные кони» приучены к такой манере боя. Потому-то они так ценятся. Потому-то их так мало. Потому-то, говорит царь Митридат, для большой войны с неведомыми римлянами люди и лошади у него есть, а вот конницы — нет...

Гипсикратии сейчас не хотелось думать о царе, а о войне — еще меньше.

А вот о том, куда они едут, она задумалась. По всему выходило — к той гряде холмов за пределами порта, ниже ко-

торой нет удобных гаваней... но ладья с опытной и умелой командой причалить сможет, а береговые откосы не настолько круты, чтобы это стало преградой для навьюченного мула. Если так, понятно, почему Теокл решил купить там землю, пусть даже на участке и в самом деле будет построен загородный дом или, скажем, разбит виноградник. Но туда, кажется, должна вести дорога, пусть и не та, по которой они выехали из Синопы...

Впрочем, напрямик быстрее — и ничего удивительного, что ее муж, знающий здесь каждый поворот, повел их по бездорожью. Ведь он хочет, чтобы его семья, жена и дочь, увидели... нечто. То, что надо увидеть, прежде чем взойдет солнце.

А самой Гипсикратии «оно», оказывается, знакомо. То есть «она».

Женщина улыбнулась — встречи с неведомой загадкой она теперь ждала без страха. Только подумала: наверно, они все-таки опоздают. Солнечная колесница въезжает на небо быстро, и так же быстро бежит от нее ночь...

И тут они выехали на открытый, недавно расчищенный участок.

Гипсикратия мгновенно поняла: это и есть земельный участок, о котором говорил Теокл. Но... на что же тут смотреть, кроме остатков ночной тьмы?

— Ну, жена моя, — Теокл пружинисто спрыгнул с коня, шагнул туда, где мгла сгустилась плотнее всего, — узнаешь красавицу? Или она не такова, как представилось мне по твоим рассказам?

Он словно бы обнял за плечи кого-то невидимого, стоящего во тьме.

Мрак под его рукой все же не был полностью непроглядным. Гипсикратия присмотрелась — и вздрогнула.

Перед ней высилось изваяние, грубо вытесанное из глыбы темно-серого гранита. Оно было не выше Теокла, но отчего-то казалось огромным: гранитные плечи, превосхо-

дящие их шириной тяжелые бедра... неожиданно маленькие руки, сложенные внизу выступающего грузного живота... И массивные отвисшие груди, которые неведомый резчик былых времен наметил глубокими бороздами.

Каменная баба. Женщина.

Ведьма.

С изрытого временем лика слепо взирают впадины глаз. И чем дольше смотришь на изваяние, тем отчетливее кажется, что внутри незрячих впадин оживают искорки зрачков.

И начинает чудиться, что камень ждет чего-то. Или кого-то.

Гипсикратия поспешно отвернулась, чтобы Теокл не заметил ее чувств. И начала развязывать крепление люльки.

Рыжая кобыла стояла смирно, она не чувствовала опасности — а кони замечают ее гораздо раньше, чем это дано человеку. Впрочем, это если говорить об опасности, исходящей от внешнего мира. Если от каменного истукана и исходила какая-то угроза, то направлена она была не на коней...

Девочка сладко причмокивала во сне. Она не проснулась, даже когда мать взяла ее на руки.

— Итак, любимая, — Теокл был уже рядом, бережно обнял их обеих — и Гипсикратия снова вздрогнула, как будто через это объятие ей передался холод каменной Ведьмы, которой только что касалась рука мужа, — правильно ли я помню твои слова? Что ты в своем *йере*, родном поселке, как-то раз неоперившейся юницей пришла к такому же изваянию — и задала ему вопрос, который переменял твою судьбу?

Он тоже ничего не замечал. Наверно, угроза, излучаемая гранитным истуканом, не проявляется и в мужском мире.

— Было, — глухо ответила скифянка. — Только наша каменная баба была больше, локтей шести высотой. И вкопали ее на самой вершине кургана...

— А эта стоит вот здесь, на участке, который я приобрел под... — Теокл замолчал. — Впрочем, я и сам пока не решил, под что. Работники только начали его расчищать —

и вдруг обнаружили вот это. Кто знает, каким неведомым богам тут поклонялись века назад, еще до основания Синопы...

Гипсикратия вдруг увидела будто наяву: она, еще иного имени и племени, семнадцатилетняя, стоит в ночной тьме перед Ведьмой и распевно произносит: «О Мать-Луна! О Отец-Небо!.. Я — дочь дочери вашей... Я — вопрошающая... Дайте же ответ мне, смертной с вашей кровью в жилах!» А потом вытаскивает из поясного мешочка гадальную костяшку, зачерненную с одной стороны...

Тогда на небе сверкали первые звезды, сейчас — последние.

И Гипсикратия вздрогнула третий раз, потому что увидела: на ладони Теокла лежит костяшка, бараний астрагал. Одна сторона белая, другая — зачерненная.

— Ты...

— Да, жена моя! — широко улыбнулся Теокл. — Наша маленькая Олимпиада еще не может спросить неведомую богиню о своей судьбе — и я хочу, чтобы ты как мать задала этот вопрос за нее. Так же, как когда-то: под звездами, вдали от людского жилья... Тогда выбор судьбы привел к тому, что наши жизни переплелись — а ведь ничто прежде не сулило ни мне, ни тебе такого счастья! Кто сказал, что наша дочь не имеет права на подобный дар богов?

И тут он наконец заметил ее тревогу.

— Что случилось, любимая? Ты... ты не все рассказала мне о том гадании?

Теперь Гипсикратия во всем винила только себя. И ей оставалось одно: держаться как можно беззаботнее.

— Да так... — Она негромко, чтобы не потревожить спящую девочку, засмеялась и небрежно махнула свободной рукой. — На самом деле солгала мне тогда каменная Ведьма. Я спрашивала у нее, станет ли моим супругом купец, станет ли воин — на всё выпадала черная сторона костяшки: «нет». А вот когда я, по юной глупости, поинтересовалась, суждено

ли мне выйти замуж за царя — гадальная кость тут же упала белым вверх!

Гипсикратия сбросила с плеч шерстяной плащ-гиматий, расстелила его на росистой траве. Склонилась, собираясь поставить на плащ люльку, — и вдруг заметила на стволе молодого дерева крепкий сучок. Это даже лучше: скифские колыбели устроены так, что их и на спине у лошади можно крепить, и подвешивать к потолочному крюку жилища. Дитя скифской крови будет спать безмятежно.

В жилах малышки Олимпиады скифская кровь смешалась с эллинской — но она тоже оставалась безмятежной, даже улыбнулась во сне. А у ее матери появились еще несколько драгоценных мгновений, позволяющих не смотреть мужу в глаза.

Гипсикратия не все рассказала ему о том гадании. Да, ее судьба действительно изменилась — но первой же переменной, случившейся прямо на следующее утро, была гибель всего их йера, рода.

И меньше всего на свете ей хотелось подвергнуть свою дочь испытанию Ведьмой.

Когда Гипсикратия повернулась к мужу, на ее лице уже не было страха. А на его лице больше не было улыбки.

— Я и воин, и купец, — медленно произнес Теокл. — Царем же мне действительно не быть. Но хорошо, что мы не взяли в эту поездку никого из слуг — и, да будет на то воля богов, наш повелитель, царь Митридат, не проведаст о твоём гадании.

Он внимательно оглянулся по сторонам, будто и вправду ожидая увидеть где-то среди кустов лазутчиков Митридата. «Блистательный» конь в недоумении переступил передними ногами, коротко и обиженно заржал. Конечно, никого вокруг не было: лошади первыми обнаружили бы чужака, причем Ксанфа, малорослая и неказистая, почует его куда раньше боевого коня — недаром она прежде паслась в степном табуне...

Гипсикратия украдкой перевела дух: Теокл явно передумал испытывать гаданием судьбу их дочери.

Солнце, доселе нетерпеливо ворочавшееся за горизонтом, поднимавшее рыжей щетиной лучей темный полог ночи, вдруг словно бы встало дыбом, могучим скачком вынесло свое тело над краем небес. И восход обрушился на землю всей своей мощью: букетом запахов, шелестом утренних ветерков, разноголосым щебетом со всех сторон. Все это уже было и раньше, но сочилось, словно тонкая струйка через запруду — а вот теперь запруды прорвало.

Гипсикратия стояла спиной к восходящему светилу — и сразу почувствовала, как его лучи ласкают ее открытое левое плечо, ногу от завязок сандалии до середины бедра: на женщине был только домашний хитон, короткий и легкий. За пределами дома эллинкам в таком одеянии показываться не подобает, да ведь она, переступив порог, накинула гиматий... который сейчас лежал расстеленный на траве, словно покрывало поверх брачного ложа.

— О любимая! — Муж смотрел на нее с веселым изумлением. — Я не помню: разве мы пересекли ручей?

— Нет, — Гипсикратия взглянула на него удивленно.

— Тогда где и когда твоя одежда успела промокнуть?

Она на мгновение оторопела — а потом ей вспомнилось, что хитон на ней из тончайшего косского шелка: очень немногие купцы балуют своих жен столь дорогими подарками! И когда она впервые предстала в таком одеянии перед мужем, он, сраженный наповал, тоже пробормотал что-то насчет «мокрой ткани», через которую все видно...

Сейчас, конечно, видно еще больше: невесомый шелк насквозь пронизан медным сиянием солнечного света...

— Хороша? — Гипсикратия задорно подбоченилась.

— Прекрасна! — подтвердил Теокл.

— То-то, — кивнула она. — Я — лошадка степной крови, а не городская корова эллинской породы! Мне ни к чему

ни *фаския*, — Гипсикратия хлопнула себя по хитону на уровне груди, — которой иные эллинки поддерживают свое обвисшее вымя уже после первых родов, ни *сублигакул*!

Она провела руками вокруг бедер, будто изображая расплывшиеся телеса — и туго стягивающую их повязку-набедренник.

Тут ее вдруг словно что-то зацепило. Загадочное, трудноуловимое, связанное с ее словами — но...

Или она не произносила именно эти слова?

А что и почему она произнесла? И на каком языке?

Гипсикратия быстро посмотрела на дочь. Та по-прежнему безмятежно улыбалась во сне.

— Ты уверена, что на тебе сейчас нет всего этого, жена моя? — в глазах Теокла заплясали озорные искорки.

— Можешь проверить, муж мой!

Они шагнули навстречу друг другу, и руки Теокла скользнули под ее хитон. Ласкавшие ее крепкие, но нежные ладони были горячее солнечных лучей, — а расстеленный плащ и в самом деле стал их супружеским ложем...

* * *

И тут, когда нельзя и не надо было ни о чем думать, когда Гипсикратия действительно ни о чем не думала — на нее снизошло осознание: названия нагрудника и набедренника она произнесла на латыни. На языке римлян.

Почему? Как это вообще возможно? Ведь она не говорит на латыни и почти ничего не знает о римлянах, лишь слышала о них мимоходом, но никогда не видела...

Нет, это она *тогда* их не видела. И за мгновение до того, как оказаться в объятиях Теокла — под медными лучами яростно рвущегося к зениту солнца, под тусклым слепым взглядом гранитного истукана, — она произнесла все слова по-эллински.

Не сейчас. Тогда. В краткую пору своего женского счастья, супружеского и материнского.

Эта пора была уже близка к завершению, чего не знал еще никто на свете — кроме, может быть, богов. Или каменной Ведьмы.

А сейчас...

Говорит Гипсикратия

Греческие умники давно уверяют, будто боги то ли покинули наш мир, то ли их и вовсе никогда не было — а мир и люди зародились сами из каких-то «вихрей хаоса». Что это такое и как их понять — не знаю; да они, похоже, и сами не знают. Я не берусь судить.

Но если из моей жизни можно извлечь уроки, то один из них таков: человеку следует держаться подальше от богов и демонов, не пытаясь их различать. От богов, демонов и их дел.

Как сказано в древнем гимне:

Счастливы те из людей земнородных, кто таинства видел.

Тот же, кто им непричастен, по смерти не будет вовеки

Доли печальной иметь в многосумрачном Царстве Подземном¹.

¹ Из Гомерова гимна богине Деметре.

1. Гладиатриса

1

Сейчас до полудня еще оставалось много более часа, но солнце, висевшее в белом от зноя небе, было ярким, как медный щит, свирепым и раскаленным, словно тавро, которым клеймят скот и рабов.

Здесь они скрыты от его прямых лучей. Но яростный свет лился сквозь широкий проем над входом.

Старые опытные бойцы говорят: выходя на арену, прижмурь глаза, чтобы солнечные лучи, отражаясь от белого песка, не ослепили тебя на миг, который может стоить жизни. Она всегда прислушивалась к таким советам, потому и жива.

Сделав пару глубоких вдохов-выдохов, Гипсикратия проверила, надежны ли завязки ее «одежды». Еще раз вздохнула украдкой, вспомнив, как только что в полусне-полубреду вспоминала латинское название этого предмета. И обвела взором низкий полуподвал оппидиума.

Пол был выложен неровными каменными плитами, пока что чистыми — если не обращать внимания на мелкий сор и обглоданную куриную косточку у стены. Гипсикратия так часто видела их испачканными кровью. Кровью счастливых, которые, пусть и шатаясь, уходили с арены на своих ногах...

— Вейу, направь руку мою и одари меня, дочь свою, милосердием своим... — прошептала скифянка одними губами.

И плотно зажмурив глаза, сделала шаг вперед. На песок арены. Под белесое небо.

Арена была привычная — пусть и не Большого цирка, а цирка Фламиния, что близ Тибра. За минувшее время Гипсикратия повидала много таких арен: цирки в Капуе, Помпеях, даже в полугалльском Медиолане. И площади с наскоро построенными трибунами, и городские форумы, и даже просто огороженные канатами утопанные участки земли. Большие и малые, круглые, прямоугольные...

Это, как-никак, не первый ее бой. Деятнадцатый засчитанный и четырнадцатый по счету. Десять побед, три ничьи «за истечением времени» и одно помилование — по воле не публики, а эдителя. Ну да все равно: жизнь есть жизнь!

Ноздрей Гипсикратии коснулся едва ощутимый знакомый запах. Запах арены. Немудрено: месяц за месяцем, год за годом на песок проливается кровь и падает требуха — человеческая, звериная... Кровь секуторов и ретиариев, медведей и быков.

Хотя песок вроде бы положено менять, все равно: сама арена, здешний воздух словно пропитываются особым запахом, что почти неощутим для публики, но вот бойцам известен хорошо. Именно так пахнет смерть.

Этот запах, трудноуловимый, но все же, безусловно, существующий — первое, что встречает гладиатора, когда он ступает за невидимую завесу, отделяющую мир живых от арены, где властвуют уже не небесные цари и даже не Богиня-Мать, а, как с оглядкой шепчутся в казармах лудусов и на свободных пирах, совсем другие силы. Такие, среди которых даже старый демон Хару и владыка пещер Тухолка — не самые худшие...

И этот же запах арены — последнее, что боец ощущает в жизни, когда, скрючившись, лежит на песке, зажимая руками рану или пытаясь затолкать в распоротый живот внутренности — бессмысленным уже движением. Хотя гладиаторы гибнут и не так часто, как думает публика, все равно смерть в бою — это обычное окончание их пути...

Без привычной тяжести доспеха или хотя бы защитной стеганки тело казалось обнаженным; это было неприятно и вы-

зывало потаенную тревогу. Собственно, Гипсикратия и была нагой: и по обычаям своей родины, которую она уже начала забывать, и по эллинским традициям, и даже по меркам властвующего над ее жизнью Рима. На ней были лишь две красные повязки, набедренная и нагрудная, — те самые сублигакул и фаския. Именно в таком одеянии состязаются замужние матроны и девицы в термах, римских банях, — играя в мяч или упражняясь как-то иначе. Но никому из них и в голову не придет показаться вот так на глаза мужчинам!

Холодные мурашки пробежали вдоль позвоночника, скользнули по плечам, шевельнулись в животе. Гипсикратия сжала копьё в ладонях. Хорошее оружие — почти восемь стоп по римскому счету, само древко — в два пальца прочнейшего ясеня, острие из тщательно выправленного и заточенного железа...

Песок слегка обжигал босые ноги.

Быстрый взгляд туда, где со странной горделивостью прохаживалась ее соперница, крупная, рыхловатая, старше ее на пару лет. Одеята почти так же, разве что поверх нагрудной повязки — короткая кожаная жилетка с нашитыми роговыми пластинами, поверх набедренной — еще более короткая, в ладонь, зеленая юбочка. А оружие...

Оружие необычное: сегодня зрителей решили побаловать особым блюдом. В руках у противницы — два маленьких фехтовальных щита кулачного хвата, по центру каждого — бронзовый умбон, увенчанный начищенным до блеска лезвием. Коротким — таким сложно убить сразу, если не распороть какую-нибудь из главных жил. Но очень острым на вид.

Парпулария — вот как именуется редкостная боевая специальность этой гладиатрисы. Парпулария с так не идущим ей именем «Сцилла»¹.

¹ В мифологии — страшное чудовище, многолапое и многоглавое, с собачьими головами на длинных шеях — и при этом с женским телом. (Здесь и далее — примеч. авт., если не указано иное.)

Гипсикратия еще раз вспомнила, что ей известно о Сцилле из лудуса Лициния.

Сицилийка — и не из греков или привезенных туда со всех концов мира рабов, а из тамошних племен: сикулов или элимов, что еще сидят кое-где в глубине острова и, как поговаривают, до сих пор тайком режут людей на своих алтарях. В лудус Сцилле продала родня, чтобы не делиться с ней клочком земли в горах. На полголовы выше рослой скифянки и либр на сорок тяжелее — широкая кость.

Сцилла на арене двумя годами дольше Гипсикратии, но провела только шестнадцать боев. Правда, выиграла лишь девять: три помилования, четыре ничьи. А еще — по приказу Лициния Волумнии, тетки хозяина ее лудуса, зарезала на глазах всей рабской фамилии управляющего и его жену, задумавших сбежать с украденными у хозяев деньгами. По какой причине благородная Лициния назначила именно такое наказание — непонятно.

На арене было довольно тихо. Шум разговоров, крики разносчиков бобов и пирожков, незатейливые песенки. То тут, то там виднелись занимающие несколько рядов пятна одноцветных одежд, все больше красных и зеленых: знаки триб — будут болеть за своих бойцов... или за тех, кого сочтут своими.

Женщины и мужчины, на плечах у отцов — малолетние дети. Нищие, воры, лавочники, дубильщики, конюхи, мимы, продажные женщины: от роскошных куртизанок с Этрусской улицы до дешевых бродяжек. И изрядное число жрецов... Взгляд Гипсикратии почему-то задержался на белых нарочито простых одеяниях весталок — на игры пожаловала едва ли не половина этой высокочтимой коллегии.

И без них, впрочем, здесь хватало уважаемых людей. Консулы, ни один, ни другой, игры не посетили, даже большой их любитель Гней Лентул: все же это были не главные игры. Зато пришел претор Гней Тарий Руф, солидный, пузатый. Вот богатый весельчак и дуралей Гай Антистий Вет, просадивший

на играх и скачках половину огромного состояния. А вот Лоллий Вар — один из квиндецемвиров священнодействий — так звали жрецов, хранивших «Сивиллины книги» — одну из главных римских святынь — и искавших в них предсказания для сената. Лоллия Вара Гипсикратия помнит по недавним Аполлоновым играм — на них он был устроителем, а она — одной из участниц. Мавританский царевич Адгербал, сын Бокха: то ли гость, то ли заложник. Возле него знаменитость совсем иного рода — танцовщица Дионисия, за неполный год заработавшая двести тысяч сестерциев.

Публика всё больше степенная, высокородная, каждый с детства воспитывался в уверенности, что истинное достоинство квирита подразумевает железную выдержку, умение держать в узде чувства, хотя бы внешне.

Гипсикратия позволила себе усмехнуться, подумав, что предки многих из этих важных господ в тогах — рабы и рабыни, такие же как она... Разве что сенаторов это, пожалуй, не касается. Да и с теми мог бы поспорить знатностью любой захудалый ксай: мало у кого из степных владык было менее двадцати заклепок на топориче.

А уж среди плебеев, собравшихся поглазеть на убийство, потомков Ромула менее трети (Гипсикратия знала: у брата его Рема потомков не было — прикончил его Ромул еще в юности). Оски, сумбры, самниты, греки, лигуры, далматы, сарды — все эти Виттелии, Корнелии, Секунды и Приски... Слишком у многих в сложном и звонком, как лязг мечей, римском имени таится слово «либертин» — каким прежде гордились бывшие рабы, получившие от господина свободу, не ведая, что внуки их будут этого стыдиться.

Если ей повезет, ее тоже будут звать как-нибудь вроде Руфина Фульга Либертина.

Будут. Вскоре.

А ее прежние имена, два скифских и одно эллинское, для римлян ничего не значат. Зиндра, «Искорка», дочь кузнеца;

Варка, «Волчица», степная воительница — и Гипсикратия, «Высокодержавная», жена и мать.

Теперь вдова (сердце кольнуло болью). Но по-прежнему мать...

Гипсикратия снова бросила взгляд на назначенную ей соперницу. Та спокойно улыбалась, поправляя косички.

«Такой одежды, как на нас с ней, и шлюхи бы постыдились!» И верно: те, выходя на промысел, какое-никакое платье надевают... Но хозяевам и устроителям хочется порадовать публику чем-то новеньким — обычные воинские схватки уже слегка приелись.

Все это уже много раз думано-передумано. А теперь и во все не имеет никакого значения.

Гипсикратия согнала с лица кривой оскал — поймав себя на том, что подражает Личиске, своей первой наставнице в гладиаторской науке. Вот-вот подадут сигнал — и тогда уже нельзя будет думать о чем-нибудь постороннем, ни мгновения.

Этот бой обещал быть особенным — хотя бы потому, что Гипсикратия не могла, не должна была убить соперницу. Оставалось надеяться, что и Сцилла получила такое же указание от своего ланисты.

Гипсикратия двинулась от ворот к середине арены: без спешки, главным образом чтобы оставить за спиной достаточно пространства для маневра.

Наверно, со стороны они выглядят так необычно, что публика останется довольна. Черноволосая против рыжей, два щита против копья, зеленая ткань против красной — чтобы главным трибам легче было определиться, за кого болеть. Тяжеловесная фигура деревенской бабы против стройной, худощавой стати воительницы...

Гипсикратия задавила росток самонадеянности, растоптав его тяжелыми калигами осторожности. Убивать Сциллу нельзя — нужно продержаться до тех пор, когда бой будет

остановлен «за истечением времени». Так сказал доминус Руфус.

Вот между ними осталось всего двадцать римских стоп...

Поднялась и опустилась рука эдителя. С этого момента противницы могли начинать сражение.

Сцилла, усмехнувшись, выставила перед собой щиты. Гипсикратия не кинулась на соперницу, а побежала вокруг нее, поигрывая копьем, перебрасывая его из руки в руку. Со стороны казалось, будто гладиатриса исполняет какой-то особенный, странный танец. Копье плясало в ее руках, словно шест ярмарочного акробата.

Толпа приветствовала скифянку:

— Отлично пляшешь, Фульга!

— Фульга, покажи сиськи!

— Заставь Сциллу станцевать у тебя на копье!

Сцилла молчала, неотрывно следя за движениями противницы.

Резко выкрикнув на выдохе, Гипсикратия ринулась в атаку. Первый удар Сцилла легко парировала, но второй не успела — копье скользнуло по коже жилетки, сорвав роговую пластину.

Соперницы заскользили по невидимому кругу, впившись друг в друга взглядами. Сияющее на утреннем солнце острие копья дрожало, будто голова ядовитой змеи, щиты устрашающе поднялись, готовые разить и отбивать удары.

Сцилла не спешила, и Гипсикратия снова решила атаковать первой, однако сицилийка успешно отразила два ее глубоких выпада на длину половины копейного древка. Скифянка убедилась, что ее соперница не только крепкая, но и быстрая — и щитами орудует довольно ловко.

Все же щит, чтобы быть прочным, должен быть увесистым. А значит, Сцилла при всей своей силе устанет раньше. Главное — выдержать первые наскоки, дальше будет легче. Стоит противнице чуть замешкаться — и...

Или нет.

Сицилийка отразила все ее удары, а от последнего увернулась, вдруг оказавшись почти за спиной Гипсикратии. Той самой пришлось быстро отскочить, спасаясь от одновременно выброшенных вперед щитов.

На трибуне кто-то радостно захохотал...

Вот она делает выпад — и снова Сцилла приняла удар на щит, а потом ринулась на Гипсикратию — демонстративно (слишком демонстративно!) атакуя ее в лицо, чтобы главный удар направить ниже. Скифянка отскочила невредимой, и ее копье снова метнулось вперед.

Гипсикратия скользнула взглядом по толпе — та довольно гудела, будто медоносный рой. Интересно, какие ставки сейчас на ее победу, а какие — на смерть? Немало людей любят ставить на смерть, рассчитывая выиграть по-крупному.

И снова — бой. Удар, отбив, финт...

Гипсикратия сделала еще пару пробных выпадов, прямых и безыскусных: укол и сразу за ним — повтор. Сицилийка отразила атаку уверенно, но опять же безыскусно, а потом начала наступать, как мастер кулачного боя — равномерно выбрасывая щиты вперед.

Пару раз ударив по щитам, Гипсикратия отступила на шаг, увеличивая дистанцию.

— Проткни ее, Фульга! — донеслось с трибун сквозь однородный шум.

Гипсикратия осознала, что могла бы разделаться с соперницей прямо сейчас. Та совсем не думает о защите ног, слишком выставляя правую: без наголенника, лишь в ажурной сандалиии из тонких ремешков. Тычок в ступню — и останется только ждать, пока противница истечет кровью...

На темной улице или в настоящем бою скифянка так бы и поступила.

Можно попробовать зайти сбоку и распороть мышцу ее плеча. Но еще не время.

Главное — не забывать, что соперница должна покинуть арену живой, а желательно и невредимой. В крайнем случае почти невредимой, чтобы обеих отпустили, как это здесь называется, «стоящими». Может быть, дело в ставках на бой, а может — эта сицилийка чья-то любовница... Гладиятрис порой ценят весьма влиятельные люди!

Зайти сбоку все никак не удавалось — тяжеловесная вроде бы соперница была вертлява, будто ласка в курятнике. Пожалуй, будь у нее вместо второго щита меч, Гипсикратии и вправду пришлось бы нелегко.

Лишь бы противница не додумалась выкинуть что-нибудь из известных в лудусе Лициния штучек — например, отбросив щит (его при этом швыряют так, чтобы ударить по ногам, но Гипсикратия сумеет уберечься), схватить копьё свободной рукой... Тогда останется лишь превратить бой в жестокую бабью драку, борьбу без правил, зато с ломанием пальцев, попытками выдавить глаза, плевками в лицо и укусами.

Гипсикратия снова сделала выпад, очень высоко, опасно открыв живот — и опять ее копьё было перехвачено высоко поднятым щитом. В таком поединке это возможно. Но вообще-то сейчас Сцилла погибла бы снова: если бы скифянка атаковала ее не в голову, а как учили в бою — вниз под углом, — то наверняка проткнула бы сицилийке бедро или пах.

Гипсикратия отскочила назад. Снова двинулась по кругу, внезапно перехватила копьё обратным хватом и древком ударила по выставленным щитам, отбрасывая соперницу.

Шум на трибунах усилился — толпа уже громко обсуждала ход поединка. Люди в красном и зеленом орали друг на друга, сотрясали кулаками... Кое-где дело дошло до тычков и брани: того и гляди придется этих «гладиаторов» палками разгонять.

Кровь и смерть пьянят, разогревают лучше любого вина. С разных сторон одни зрители выкрикивали ставки на победу, другие отвечали:

— Сто на Фульгу!

- Сорок на Сциллу!
- Двести на Сциллу...
- Поставь лучше свою задницу, «зеленый»!
- Сто — и Сциллу отпустят стоящей!

Сицилийка уже не спешила атаковать: кажется, она поняла, что столкнулась с противницей, по меньшей мере, равной ей по силе. Это было плохо...

Гипсикратия вновь разорвала дистанцию. Побежала вокруг Сциллы быстрыми короткими шажками, время от времени выбрасывая вперед копые, резко и сильно.

Хотя солнце еще не добралось до зенита, обе гладиатрисы уже обливались потом. Прическа Сциллы растрепалась, и Гипсикратия заметила у нее в ушах золотые серьги изящной работы — не вязавшиеся с грубым лицом. А еще она заметила, что губы Сциллы покрашены дорогой помадой, а щеки покрыты пурпурными румянами. И еще следовало признать, что у нее отличная выдержка.

Хозяин наверняка поставил на ничью, но сицилийка, скорее всего, и вправду любовница какого-нибудь влиятельного господина. Ни в коем случае нельзя злить таких людей, как этот неведомый покровитель.

Скифянке оставалось придерживаться первоначального плана: пользуясь тем, что ее копые длиннее щитового умбона, вертеться вокруг сицилийки, пока та не выбьется из сил. Потом — один удар на полную длину древка, будто змеиный бросок, легкая рана — и всё...

Словно прочитав эту мысль, сицилийка ринулась на сближение, рубящим взмахом опустила кромку щита, но Гипсикратия увернулась и пнула ее в колено. От удара Сцилла упала на песок, едва не выронив оружие, — но все же удержала его.

Противница попыталась достать Гипсикратию острием умбона. Та отскочила, невредимая, и копые снова метнулось вперед. Металл скрежетнул по древку, оставив на нем царапину.

Бой продолжался. Финт, удар, выпад...

На арене установилось равновесие: Гипсикратия металась вокруг Сциллы, нанося удары, а та отбивала их, пытаясь подойти к сопернице вплотную: тогда острое или окованная кромка щита дадут ей преимущество...

Отразив тяжелый удар, нацеленный в переносицу, Гипсикратия вновь ткнула копьем, метя в бедро, — но это был обманный прием. Сицилийка, уклоняясь, потеряла равновесие, качнулась вперед. Она замешкалась только на миг — но копьё безошибочно и молниеносно устремилось в цель, пройдя чуть ниже края зеленой жилетки. Оно всего лишь рассекло кожу, но...

Сцилла взвизгнула от боли. Сейчас она погибла бы в третий раз, и впервые это поняла. Другая на ее месте проявила бы осторожность, но сицилийка разъярилась всерьез.

Она отвела правую руку назад и вниз, как дискоболы в палестрах. В следующий миг ее противница присела, и вертящийся щит пролетел у нее над головой.

Скифянка тут же бросилась в атаку. Острое раз за разом било в оставшийся накулачник, Сцилла с перекошенным от злобы ртом пятилась, пытаясь обойти Гипсикратию и вернуть себе второй щит, которого так бездарно лишилась. Рывок — копьё едва не достало бок сицилийки (да понимает ли она, что только что погибла в четвертый раз?!), и Сцилла в перекате уже готова была схватить свое оброненное оружие...

Не схватила — копьё ударило рядом с кистью, явственно обозначив, чем завершится такая попытка. Сцилла с проклятием отскочила, и Гипсикратия встала так, чтобы валявшийся на песке щит оказался у нее за спиной.

— Фульга, проткни ее!

— Сцилла, дави эту грязную рабыню!

— Сцилла!

— «Зеленые» — дерьмо шелудивой свиньи!

— Забей ей копьё в щелку!

— И в зад!

— Сдохни, степная волчица!

Низко присев, Гипсикратия уперла окованную железом «пятку» копыя в песок, как при защите от всадника. Это был намек: теперь Сцилла имеет право держаться как можно дальше, после первой раны никто не упрекнет ее в трусости, а время идет и...

Сицилийка зверем бросилась на Гипсикратию и принялась наносить яростные удары. Скифянка едва успевала их отражать: наверху копыя билось в умбон, сминало бронзовую закраину. Но время поединка истекало, оставалось продержаться совсем немного, распорядитель вот-вот подаст сигнал...

Гипсикратия не успела осознать происходящее. Она лишь увидела, как скользит песок под крупными ступнями Сциллы, как в нелепой попытке сохранить равновесие та взмахивает руками, как роняет щит, открывшись, — и падает вперед.

Прямо на острие. Шеей.

Кровь хлынула из раны и изо рта Сциллы. Под тяжестью ее тела Гипсикратия выронила оружие. Миг — и сицилийка упала на арену, мертвая, как камень.

Тишина повисла над цирком. Песок арены жадно впитывал кровь, которая уже не хлестала толчками — сердце жертвы остановилось, — а текла ровно и обильно, будто из треснувшей амфоры.

— А-а-а... чтоб тебя, Качей! — прошептала Гипсикратия, найдя взглядом сидящего в первом ряду хозяина Руфуса и увидев, как багровеет его лицо.

Потом у нее перед глазами замельтешили туманные пятна, а в ушах монотонно загудело, как будто арену окружил рой пчел. Трибуны взревели:

— А-а-а-а-а — Фульга!!

— Фульге слава!

— Сука! Сука красная!

— «Зеленые» — дерьмо!

Какая-то матрона, громко взвизгнув «Сцилла! Сцилла!», вдруг осела, свалившись без чувств (значит, у сицилийки был не покровитель, а покровительница?). Заметались слуги, заботясь о госпоже.

Прочие зрители не отрывали взглядов от арены. Цирк рукоплескал отважной воительнице, одержавшей победу — по воле богов и Фатума. Трибуны бушевали, а победительница сумрачно глядела себе под ноги.

Явно потрясенный, эдитор встал с курульного кресла и подал сигнал к перерыву в боях. Подняв копье и поклонившись трибунам — как полагалось и как учили, Гипсикратия направилась к воротам.

Теперь ее участь зависела только от небожителей. Ну и от господина...

* * *

Всю дорогу до хозяйского таблиння Гипсикратия со сжавшимся сердцем размышляла, что ее ждет. И неизбежно наткнулась на одно и то же: все зависит от того, какие планы господина она нарушила и какие неприятности ему создала.

Проиграл ли он деньги? Проиграл ли деньги кто-нибудь из его друзей или, что еще хуже, деловых партнеров? Быть может, это разозлило кого-то, кто хотел бы выкупить Сциллу для себя? Или на нее были какие-то планы с учетом будущих игр?

Гипсикратия еще раз воззвала к Матери Богов и направилась в дом.

В бассейне атриума плескалась вода, отражая звездное небо; ветви растущих в кадках экзотических кустов и деревьев переплетались в черное кружево, подсвеченное масляными лампами. Из атриума Гипсикратия прошла в просторный таблинний, где за обширным столом среди шкафов со свитками и восковыми табличками восседал Руфус.

Входя, скифянка поклонилась:

— Здравствовать тебе, доминус!

Надо бы пасть на колени — но в лудусе Руфуса это было не в обычае... «Если назначит порку — тогда и упаду!»

Порка, которой подвергают провинившихся гладиатрис, — это, конечно, не мачехины розги в родном йере, но ничего, можно вынести. Она вынесет — и будет жить дальше. Потому что ее жизнь нужна не только ей.

— Вот что, — буркнул ланиста. — Чего уж говорить — разозлился я сперва крепко. Но потом поговорил с Авлом и еще двумя рудиариями... Да и сам видел: я все-таки в своем деле не последний человек. Ты точно следовала приказу, и твоей вины тут нет. Эта... — Лицо ланисты перекошилось от злобы. — Эта жирная корова сама напоролась на копые. Другой бы приказал тебя бичевать — но с тем же проком можно сломать твое оружие... Видать, правы те, кто говорит, будто нечестные бои не угодны богам!

Руфус в досаде вскочил из-за стола и зашагал по комнате. Гипсикратия украдкой следила за ним взглядом.

— Сенатор Секст Публий, проигравший на этом бою сорок тысяч, конечно, не будет мне благодарен, — ланиста выплевывал слова, словно едкую горечь, которую не удержать во рту, — да и Лициний меня невзлюбит. Но... Если он потребует отдать ему тебя взамен сицилийки — я, конечно, не соглашусь. Тем более что претор — из наших, из «красных». Он, кстати, через семь дней дает пир, куда пойдешь и ты... Будет ли там бой для гостей — не знаю, но он хочет видеть на пиру несколько моих парней. А из женщин — только тебя. Всё, ступай.

— Достопочтенный господин... — Скифянка поклонилась. — Твоя рабыня благодарит тебя.

Выйдя из таблиния, Гипсикратия вытерла со лба холодный пот и пошатнулась, ощутив внезапно нахлынувшую слабость.

Потом, уже проваливаясь в сон на узкой койке в своей камерке, она подумала: надо будет зайти в храм, принести жертву Матери-Земле. Флакочик благовоний, немного серебра — много-то у нее нет, — и все остальное, как положено.

Каждому свое. Черноволосой сицилийке, настоящего имени которой она так и не узнает, — смерть и безымянная мोगила. Ей — жизнь и надежда...

2

На пересечении двух улиц неподалеку от акведука Марция располагалась термополия, или, как говорил народ попроще, попина. Как ее ни называй, это была харчевня — впрочем, ее хорошо знал и любил люд, проживавший как в этой части города, так и в соседних кварталах. Всякий страждущий мог найти здесь местечко, чтобы отдохнуть, выпить и перекусить.

Заведение носило название «Под щитом»: над входом висел старый изрубленный skutum. Спустившись по каменным ступенькам, посетители попадали в довольно вместительный зал. Но многие вкушали пищу снаружи, усевшись на скамьи вдоль стен, что изрядно мешало прохожим — но что с того, если трактирщице это выгодно? Уже с улицы чувствовались запахи, от которых текли слюнки: преобладал среди них запах мяса, запеченного с розмарином.

В центре помещения и вдоль стен стояло несколько больших столов, грубовато сколоченных, но крепких, а вокруг них — такие же неказистые табуреты: простершись на ложах, пищу вкушают лишь важные да богатые — да и то только по вечерам или на пирах. На стенах трактира были фрески, незатейливые, но написанные довольно неплохо. Нереида с лирой в руках, на морском коне-гиппокампе и в компании двух рыб. Огромный полуголый воин пьет прямо из горлышка амфоры. Трое мужчин играют в кости — совсем как та компания в углу... Танцовщицы в легких коротких туниках, мало что скрывающих...

Девушка за стойкой подавала миски и чаши людям, выстроившимся в очередь. Она обслуживала клиентов ловко и быстро, но клиентам-мужчинам, по правде говоря, больше нравилось,

когда красотка наклонялась за очередной миской или кувшином вина — вольно или невольно демонстрируя при этом то, что скрывалось в вырезе туники. Рабыня в длинной залатанной хламиде черпаком доставала из одной амфоры оливки, из другой — полбу, раскладывала их по широким мискам и передавала старшей служанке. Тут же над прилавком висели связки лукович и чеснока, колбаски и прочая снедь.

Еда была вкусная, хоть и незамысловатая. Здесь уж точно не накормят жареной собачатиной или чем-нибудь похуже, как это нередко случается в дрянных «обжорках» на окраине города.

В трактире «Под щитом» можно было увидеть посетителей разного рода. Вот в укромном уголке устроилась парочка. Они говорят вполголоса и не сводят друг с друга глаз. Любовники? Муж с женой, решившие прогуляться? Рабы из богатого дома? Чуть поодаль — мужчина средних лет, по виду приехавший в Рим торговец; он обедал в одиночестве, с важной неторопливостью обгладывая жареного цыпленка. В сторонке два человека, судя по разговору — возницы, да и пахнет от них соответственно. Они весело смеются, иногда ударяя кулачищами по столу.

Шум разговоров, звон чаш, хохот наполняли термополию и разносились далеко за ее пределами, поскольку дверь была открыта и всякий прохожий, пожелавший побаловать себя недорогой едой и винцом, а возможно и интересной беседой, без труда отыскал бы это заведение даже с закрытыми глазами.

Сюда не забредали совсем уж оборванные пролетарии¹, бродяги, поденщики или рабы с городскихстроек. А вот актеры-мимы и акробаты заходили, рыночные торговцы тоже. Находилось место и для гладиаторов...

Вообще же в попинах можно было встретить кого угодно, узнать основные новости — от уличных до поступавших со всех концов республики и даже из далеких стран, заключить

¹ Здесь: гражданин, не имеющий имущественного ценза. (*Примеч. ред.*)

Содержание

| | |
|---|-----|
| Пролог..... | 6 |
| I. Гладиятриса..... | 17 |
| II. Игры богов..... | 66 |
| III. Тени арены..... | 115 |
| IV. Воля богини..... | 179 |
| V. Деревянный меч..... | 241 |
| VI. Узел, который не развязать богам..... | 279 |
| Глоссарий..... | 309 |

Літературно-художнє видання

НЕДОЗОР Вітольд
Дочка Великого Степу. Танок клинків

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *О. В. Пуцько*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 28.04.2021. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 2500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000. 61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: corp@bookclub.ua

Відруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

НЕДОЗОР Витольд
Дочь Великой Степи. Танец клинков

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Пуцько*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 28.04.2021. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 2500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000. 61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Київстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду



Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Легендарна глadiatorиса Гiпсикратiя, колишня скiф'янка, пiдкорила арену i стала улюбленицею натовпу. Але вона все ще пам'ятає Великий Степ i жадає повернутися до дочки, що залишилася у володiннях царя Мiтрiдата. Глadiator Атей, коханий Гiпсикратiї, бiльше не може битися на аренi через поранення, але всiякою допомагає коханий заробити грошi на викуп з рабства. Однак шлях у Понтiйське царство не відкриється, поки вона не стане до бою з непереможною Камiллою — найзнаменитiшою з глadiatorис. Гiпсикратiя розумiє, що їй не виграти цей бiй. Але цiна перемоги — свобода i шанс пiсля стiлькох рокiв розлуки повернутися до дочки.

Недозор В.

Н42 Дочь Великой Степи. Танец клинков : роман / Витольд Недозор. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 320 с.

ISBN 978-617-12-8868-3

Легендарная глadiatorиса Гипсикратия, бывшая скифянка, покорила арену и стала любимицей толпы. Но она все еще помнит Великую Степь и жаждет вернуться к дочери, оставшейся во владениях царя Митридата. Глadiator Атей, возлюбленный Гипсикратии, больше не может сражаться на арене из-за ранения, но всячески помогает любимой заработать деньги на выкуп из рабства. Однако путь в Понтийское царство не откроется, пока она не сразится с непобедимой Камиллой — самой знаменитой из глadiatorис. Гипсикратия понимает, что ей не выиграть этот бой. Но цена победы — свобода и шанс после стольких лет разлуки вернуться к дочери.

УДК 821.161.1(477)



Великий государь Митридат угрюм и одинок — все его союзники или погибли, или перешли на сторону врага, бывшие завоевания утрачены. Однако дух царя не сломлен. Рядом с ним верная Зиндра — гордая скифянка, что однажды спасла его жизнь, закрыв собой. Но грядет новая война. Римские послы вот-вот придут в боспорскую столицу для заключения мира. И Митридат созывает верных соратников из Великой Степи, чтобы вместе выступить против Рима. Кем станет для него в этой борьбе скифская воительница? Союзником или врагом? Спасением или гибелью? Что теперь выберет та, которая была готова отдать жизнь за любимого мужчину? Об этом знает лишь Зиндра, Дочь Великой Степи...